

Чжао Хуан никак не ожидал, что император знает о положении дел в столице, и, охваченный трепетом и страхом, опустился на колени, признавая свою вину:

— Ваши подданные неустанно борются с наводнениями на севере и юге, совсем не успевая следить за делами в столице!

Ю Цун помолчал немного и лишь затем снова спросил:

— Скажи мне... почему так происходит?

Чжао Хуан медленно поднял голову и с запинкой ответил:

— Хотя Министерство общественных работ разделено на три ведомства, порой дел бывает столько, что мы просто не успеваем их разгрести.

— Всё потому, что людей, способных по-настоящему приносить пользу Министерству общественных работ, катастрофически мало, — спокойно произнес Ю Цун.

— Все ученые мужи зубрят Четыре книги и Пятикнижие. До тех пор пока они не сдадут провинциальные экзамены, они не смотрят по сторонам и знают лишь одно: заучивание слов мудрецов.

Он посмотрел на министра общественных работ, находившегося в самом расцвете сил, и заговорил ровным тоном:

— Гоцзицзянь хоть и взращивает таланты, но там умеют лишь слагать высокоморальные эссе да рассуждать о правилах приличия. Тех же, кто по-настоящему разбирается в науке управления водами и в инженерном деле, — единицы.

То, что нуждается в реформировании в первую очередь, — это императорские экзамены.

В Китае Нового времени зарождался капитализм и существовало бесчисленное множество передовых технологий.

Однако всё было загублено способом передачи и упорядочивания мысли.

То, что действительно издавалось и передавалось из поколения в поколение, — это лишь легкомысленные стишки да нравоучительные статьи. А если попадалось что-то более глубокое, вроде трудов Ли Чжи или Ван Янмина, то и оно не выходило за рамки конфуцианства.

В империи Мин не было высших учебных заведений, не было науки, поэтому ни огнестрельное

оружие, ни арбалеты не обладали должной устрашающей силой и даже не могли защитить от тех диких племен, что еще не постигли просвещения.

Истинное сильное государство должно подавлять всех в области науки и техники.

Чжао Хуан смутно догадывался, о чем думает император, но не смел озвучить свои догадки.

Он вспомнил, как в прошлом У Цзэтянь ввела военные экзамены и усовершенствовала систему подбора кадров, благодаря чему в императорский двор попало огромное число способных мужей.

Уже не собирается ли Его Величество учредить новые экзамены для инженеров?

— Обязанный минский чиновник, — прервав на мгновение свои мысли, Ю Цун произнес с расстановкой: — Очисткой сточных вод и грязи в столице займись со всей решимостью. До тех пор пока это не вредит невинным простолюдинам, можешь действовать смело и масштабно.

Кроме того, Я намерен пожаловать тебе пятьсот лянов золотом, чтобы ты открыл выставочный зал Цьесы для поиска и привлечения талантливых людей на временную службу.

Чжао Хуан замер и испуганно воскликнул:

— Ваше Величество...

Это же всё траты из личной казны... как же больно за это сверкающее золото!

Ю Цун бросил многозначительный взгляд на Хуан Цзиня и продолжил:

— Как Я уже упоминал ранее на совещании, в течение следующих полугода мы задействуем излишки сокращенных чиновников для написания книг и составления сводов законов: трех канонов — по строительству, сельскому хозяйству и медицине.

Это заложит самый фундаментальный фундамент для будущих реформ, которые начнутся через три года.

— Надеюсь, Чжао Цин отыщет для Меня побольше людей с глубокими познаниями и талантами, — он пристально заглянул в глаза Чжао Хуану и медленно произнес: — Помни: происхождение не имеет значения — важны лишь способности к инженерному делу.

Если найдутся искусные строители, способные помочь вам справиться со всевозможными бедствиями, их непременно нужно оставить на службе.

Глядя на молодого императора, Чжао Хуан впервые испытал трепет и благоговение.

Он поступил на службу еще при прежнем императоре и тогда видел толстомордую физиономию Чжу Хоучжао. В сердце его жило лишь презрение, и он больше всего на свете желал лишиться поста и уйти в отставку.

Но... этот правитель походил на грозного льва.

Казалось, накопленные горы золота и неисчислимые богатства были для него лишь пустячным развлечением.

Его амбиции зрели бесшумно, но их было достаточно, чтобы заставило умолкнуть всех зверей и птиц.

После ухода Чжао Хуана Ю Цун неторопливо продолжил есть виноград. Ел он ел, да только ощутил, что царящая в покоях тишина стала слишком уж тоскливой.

Конечно, заставляя себя развлекать придворных девиц он тоже не горел желанием.

Поразмыслив так и эдак, он пришел к выводу, что ему все же нужен кто-то, с кем можно поболтать о пустяках.

— Лу Бин...

Господин Лу тут же явился, приняв вид человека, готового по первому слову ринуться в огонь и в воду.

— Не стоит так напрягаться, — сдерживая улыбку, произнес Ю Цун. — Забыл, как ты меня раньше называл?

Хотя многих сведений ему не хватало, навык вытягивать нужные слова из собеседника работал у него безотказно.

Лу Бин ошеломленно поднял голову, с трудом разлепил губы, словно желая что-то сказать, но сдержался и промолчал.

Ты ведь теперь... Его Величество.

— Ладно, здесь же никого постороннего нет, — подумал Ю Цун. Если у него не останется никого, с кем можно поболтать и пошутить, он же от одиночества на этом свете помрет. Недолго думая, он протянул руку, притянул застывшего мужчину к столу и качнул тарелку с

виноградом ближе к нему: — Как ты меня звал?

— А... А-Пан.

— Вот именно так, — улыбнулся Ю Цун, подперев подбородок рукой. — Съешь виноградинку, она ужасно сладкая.

Он осмеливался так шутить с ним потому, что прекрасно помнил: этот человек останется предан ему всей душой до конца дней.

В будущем Лу Бин станет единственным во всей династии Мин мужчиной, удостоенным почетных званий Трех наставников и Трех гунов.

То беспрецедентное великолепие, которым он завладеет, будет заслуженным.

Хотя на душе у Лу Бина было тревожно — ему казалось, что за столько лет они уже не те резвящиеся мальчишки, какими были в юности, — император и впрямь сбросил с себя всю спесь. Он улыбался точь-в-точь как прежде, его фениксовые глаза слегка сузились, и было в этом невыразимое, чарующее очарование.

— Мм? Не хочешь отведать моего винограда?

Лу Бин виновато улыбнулся, протянул руку, сорвал одну ягодицу и тоже отправил ее в рот.

Освежающая сладость немного расслабила его, и он невольно поднял глаза на этого овечьего весенним теплом мужчину.

— Этот северозападный виноград и впрямь круглый да сладкий. До сих пор, хоть на дворе уже глубокая осень, его привозят в качестве дани — тоже благое дело, — Ю Цун ел за двоих и между делом окликнул его: — А-Пан, что сейчас происходит на Северо-Западе?

Он смутно помнил, что там что-то захватили, но исторических книг под рукой не было, да и сам он не мог припомнить, к какому правлению — Ваньли или Цзяцзина — это относилось.

— Область Хэтуо по-прежнему занята татарами, — неторопливо ответил Лу Бин. — Слышал, в июле этого года снова были набеги, но не слишком серьезные.

— Хм... — император на мгновение умолк и тихо проговорил: — Мы вернем эти земли.

Заметив, что Лу Бин все еще скован, он срвав небольшую гроздь, сунул ее прямо в руки собеседнику и неторопливо произнес:

— Не доешь — не отпущу.

Издавна повелось, что это наложницы кормят императоров виноградом, а теперь ему самому, чтобы затащить друга поболтать за едой, приходится применять силу...

Глядя на него, Лу Бин не выдержал, сломил свою сдержанность и с покорным согласием принял эту ледяную гроздь драгоценных плодов.

Они переглянулись, словно заново обретя детское доверие, когда их еще никто не знал, и невольно рассмеялись.

Глава 10

— Что за диковинки происходят в столице, кроме того, что от нее повсюду разит зловонием?

Лу Бин призадумался, выплюнул виноградную косточку и ответил со всей серьезностью:

— Говорят, что все богатые и зажиточные семейства прибыли сюда торговать из других провинций, а большинство столичных жителей только и знают, что лениться и проживать дни в праздности.

Они с Чжу Хоуцуном оба были родом из Хубэя и привыкли к вольной жизни у рек и гор.

Теперь же его друг детства взошел на императорский трон, а он служит при нем. И хотя сам император целыми днями заперт во дворце, Лу Бин хотя бы может тайком разузнать кое-что и рассказать о жизни за стенами дворца.

Думая об этом, Лу Бин невольно вздохнул про себя, размышляя о том, что уж лучше бы Чун-эр вернулся в Аньлу вольным князем — по крайней мере, свободы у него было бы куда больше, захоти он покататься на лодке по озерам или отправиться на горную охоту.

— Мм? Разве местный простой народ совсем не зарабатывает себе на пропитание? — с любопытством спросил Ю Цун.

— В Яньюне много людей лишь четырех категорий: евнухов больше, чем титулованной знати; женщин больше, чем мужчин; шлюх больше, чем честных жен; а нищих больше, чем купцов, — мрачно ответил Лу Бин и добавил: — Так что здесь куда грязнее и беспорядочнее, чем в Цзинчжоу, нет того простора и чистоты.

Услышав это, Ю Цун склонил голову набок, выплюнул виноградную косточку и неторопливо произнес:

— И впрямь придется здесь навести порядок.

Если разобраться, корень всех проблем по-прежнему упирался в нехватку денег.

Средний доход горожан был слишком низким, у них просто не оставалось сил думать о качестве жизни, из-за чего и уровень морали пал соответственно.

— Кем я себя чувствую... словно в градостроительный симулятор играю.

На следующее утро Ю Цун призвал Чжан Цуна и левого цензора Ли Чэнсюня, расстелил на длинном столе карту Пекина и велел им выбрать участок.

— Я намерен построить торговый центр.

— Торговый центр? — недоуменно переспросил Ли Чэнсюнь. — Что имеет в виду Ваше Величество...

— Вы и сами прекрасно знаете, как живет простому народу в столице, — окинув взглядом планировку окрестностей столицы и мысленно прикидывая, как бы расширить территорию до второго кольца, Ю Цун продолжил: — Сейчас в столице насчитываются десятки тысяч беженцев. С одной стороны, нужно направить их к возвращению к мирному труду и обеспечить земель, пригодной для пахоты, а с другой — все же найти им какое-нибудь дело.

Я планирую выделить участок земли под строительство большого рынка, предназначенного специально для их торговых дел. Налог составит всего десятую часть, а плату за торговые места взимать не будем.

Чжан Цун замер, не зная, что и сказать.

— Господин Чжан, Я хочу назначить Янь Шэня министром Цзинбу, но путь неблизкий, судя по всему, придется подождать еще два-три месяца, — с протупывающей интонацией произнес Ю Цун. — Не согласится ли уважаемый господин помочь подобрать для этого подходящее место?

— Юго-западная часть вполне подойдет, — осторожно ответил Чжан Цун. — Полагаю, это поможет привлечь торговцев из других мест, облегчит надзор за порядком и станет благое делом.

Однако иметь место только для купли-продажи без производства, пожалуй, было бы не совсем правильно.

Хотя Ю Цун действовал на ощупь, одну вещь он понимал отчетливо.

Нынешнее правительство еще не было готово справиться с переселением людей и прочими подобными проблемами. Центр города уже был занят жилыми постройками, и возможностей для перепланировки пока не существовало, а значит, рынок мог строиться только на окраинах.

— Давайте поступим так, — Ю Цун взял киноварную кисть и по памяти о современном мире обвел второе кольцо, а затем особо отметил две зоны: — Юго-восточный район отведем под ремесленные мастерские, арендную плату за землю сократим вдвое, куплю-продажу земель запретим. Юго-западный район сделаем торговым, предназначенным исключительно для коммерции, порядок в котором будут поддерживать чиновники.

— Только... если возвести всё это за городской стеной, а не в самом центре, боюсь, посетителей будет совсем мало, — нахмурился Ли Чэнсюнь. — Крупные купцы могут позволить себе лошадей и повозки, но у мелких торговцев такой возможности нет.

Мм?

Ю Цун замер на мгновение, внезапно улыбнулся и махнул рукой:

— Несите бумагу сюаньчжи!

Пришло время испытать навыки рисования.

Взяв бумагу сюаньчжи и обмакнув кисть в тушь, он коряво набросал трехпроекционный вид общественного автобуса.

Чтобы было понятно, что эта повозка запряжена лошадьми, он даже написал иероглиф «лошадь» прямо перед ней.

— Передайте это в Министерство общественных работ, пускай подумают и на основе рисунка сделают чертеж.

Погладив подбородок, Ю Цун решил добавить еще одно колесо, отметил расположение двух дверей и велел двум ошарашенным чиновникам подойти поближе: — Эту штуку Я намерен назвать... автобусом.

— Автобусом? — взглянув на пометки, Чжан Цун мгновенно всё понял: — Ваше Величество хочет создать казенные экипажи для перевозки купцов туда и обратно?

— Именно так. Я не знаю, какой именно автобус сможет построить министерство, но постарайтесь сделать так, чтобы он вмещал по меньшей мере человек десять, — пояснил Ю Цун. — При посадке заходить в переднюю дверь, выходить через заднюю, останавливаться на пути строго по расписанию, а плату брать по три вэня с человека.

Он был так уверен в успехе потому, что технологии древнекитайских мастеров на самом деле поражали воображение.

Хотя обычно это высокое мастерство служило услугой лишь для императоров, а не для государства, и на протяжении тысячелетий умельцы вырезали лишь капусту из нефрита да прочие безделушки, построить большую повозку им было вполне по силам.

— Сиденья внутри расположите рядами, без всяких перегородок, — видя, с каким интересом слушает его Ли Чэнсюнь, Ю Цун протянул ему чертеж со словами: — Ступай и передай мои слова. Если чертежи будут готовы быстро — назначу награду.

Императорские слова возымели действие: чиновники Министерства общественных работ пришли в крайнее возбуждение и уже во второй половине дня доставили готовые чертежи.

Они разработали несколько вариантов, причем на носу и крыше экипажей, словно на носу речного судна, красовались древние строгие головы тигров и львов. Судя по эскизам, весь автобус насквозь пропитывался уникальным духом династии Мин.

Ю Цун остался крайне доволен, жаль только, пластмассы под рукой не было. Он велел подыскать прочный материал, устойчивый к ударам — такой, чтобы простому люду было служить верой и правдой.

Мастера засели за работу и спустя четыре дня выкатили две готовые машины.

По обыкновению, о подобных вещах и докладывать императору не требовалось — министр мог бы сам всё осмотреть.

Однако чиновники уже прочуяли страсть императора лично наведываться повсюду, а потому спешно написали докладную записку, приглашая Его Величество на испытательный прокат.

Получив послание, Ю Цун тут же воспрял духом и в сопровождении нефритового паланкина направился к воротам Цзуахэнь.

Длинная повозка стояла у дороги, а четыре белых коня гордо вскидывали головы и прядали ушами.

Ого, масштаб впечатлял!

Глаза Ю Цуна засияли, а улыбка стала еще шире.

Мастера смастерили настоящий автобус-люкс открытого типа: помимо двух боковых дверей и лестниц для посадки, даже сиденья были спроектированы в точности по его наброскам —

внутри могли с комфортом разместиться тридцать пассажиров.

В конструкции повозки использовалось множество пород дуба, красного дерева и березы, снаружи и изнутри всё было покрыто красно-коричневым лаком, а повсюду красовались орнаменты в дворцовом стиле: плывущие облака и демонические маски таоте.

Оба экипажа напоминали рыб: линии были плавными и изящными, а вырезанные головы льва и тигра выглядели столь живо, что вызывали искреннее восхищение.

Попади такая вещица в Национальный музей — цены бы ей не было как сокровищу на века.

Переполненный радостью, Ю Цун услышал, как стоявший рядом Чжао Хуан подумал, что угодил императору, и радостно отрапортовал:

— Ваш подданный приставил к делу больше сотни плотников и укрепил все шиповые соединения. Эта повозка сможет бегать туда-сюда долгие годы и не развалится!

— Отличный экипаж, хоть один такой в задних покоях ставь — и то передвигаться намного удобнее, — Ю Цун хлопнул его по плечу и веско произнес: — Я намерен пустить в столице четыре маршрута, чтобы облегчить перекрестное движение. Установкой остановок на пути займитесь целиком по вашему усмотрению.

К счастью, Пекин имел форму правильного квадрата, да и улицы были достаточно широкими и ровными, так что на первых порах этот общественный транспорт несомненно облегчил бы передвижение многим простолюдинам.

Уловив первоначальную задумку проекта, Чжао Хуан расплылся в улыбке:

— Мы с господином Чжаном обсудили это дело и к новому году непременно все устроим!

О столь благом начинании непременно следовало известить народ.

Подумав об этом, Ю Цун хлопнул себя по лбу, сообразив, чего именно им не хватало.

Требовалось запустить новостную студию.

Объявление подобных указов не должно было передаваться через всякие сомнительные слухи — для этого требовался официальный рупор.

Повернувшись к озирающемуся по сторонам Чжан Цуну, он громко окликнул его:

— Господин Чжан, нужно отгородить еще один участок за пределами дворцового города!

Глава 11

Хотя Чжан Цун не понимал, что за очередную причуду придумал император, судя по последним событиям, государю страсть как нравилось учреждать всякие новшества.

Будучи человеком зрелым и рассудительным, он в своих делах никогда не опирался на сиюминутные пересуды, однако в делах, приносящих пользу стране и народу, в нем неизменно просыпалась жилка льстеца.

— Ваше Величество желает основать за стенами дворца какое-то представительство?

— Нет, неподалеку от императорского города мы возведем... — Ю Цун машинально попытался отыскать бумагу и кисть, и услужливый евнух тут же шустро подал их. Довольно кивнув, Ю Цун снова принялся строчить эскизы.

— Мы построим Чжишэнтам.

Особым литературным талантом он не обладал, названия выбирал спонтанно, но в мыслях у него уже крутился логотип Центрального телевидения Китая и памятные новогодние гала-концерты.

— Пока построим что-нибудь поменьше, а через пару лет, когда казна пополнится, возведем здание побольше.

— Чжишэнтам? — кажется, сообразив, к чему клонит император, раздумчиво протянул стоявший рядом Чжао Хуан. — Похоже, Ваше Величество хочет, чтобы простой народ лучше понимал государственную политику?

— Именно так, — одобрительно кивнул Ю Цун. — Министерство ритуалов будет направлять чиновников в Чжишэнтам, чтобы каждый раз при подведении итогов новой политики или проведении реформ созывать всех желающих послушать разъяснения.

— Но ведь как внутри столицы, так и за ее пределами народу видимо-невидимо, — удивленно произнес стоявший рядом Гуй Э. — Неужели будем делить их по степени знатности?

— Вовсе нет. Ограничимся лимитом в пятьсот человек, — прикинул Ю Цун. — Сто мест поближе, двести средних и дальних рядов, да еще пустим послушать еще две сотни людей.

— И зайти сможет любой желающий?

— Именно так, — улыбаясь, Ю Цун сделал пару шагов вперед и указал на величественный экипаж. — Вы только посмотрите на этот автобус: даже если мы проложим маршруты и расставим остановки, много ли найдется смельчаков, готовых залезть в казенную повозку?

— Боюсь, что единицы, — помрачнел лицом Чжао Хуан. — Простой народ ко всему новому относится с подозрением, вряд ли кто-то поверит, что за три вэня можно доехать с востока города на запад.

— Верно, — Ю Цун потянулся и звонким голосом произнес: — Пусть Министерство ритуалов совместно с Министерством общественных работ возведет Чжишэнтам. Сильно мудрить с материалами и дизайном не нужно — главное, чтобы крыша не рухнула, ведь через пару лет все равно придется все сносить и строить заново. Как только Чжишэнтам будет готов, возьмемся за транспорт и рынки. Все уяснили?

Свежие события во дворе и за его стенами следовали одно за другим, но в часы после трапезы императору неизменно приходилось сталкиваться с суровой реальностью.

Он уже очень и очень давно не достаивал вниманием ни одну из своих наложниц.

С момента его перемещения в этот мир прошло чуть больше месяца. И хотя прежний император тоже радел о государственных делах, свои плотские потребности он удовлетворял регулярно.

Хотя самого Ю Цуна это тоже касалось.

Однако продолжать притворяться глухим и тянуть время было совершенно бессмысленно.

Ю Цун и без допросов евнухов знал, что во дворце уже многие заволновались и затаили тревогу с обидой.

Даже если он изыщет способ не набирать новых невест для гарема, девять младших и две старшие жены вместе с императрицей — всех их необходимо было как-то ублажить.

Если он не разберется с этим вопросом, те или иные стариканы в правительстве наверняка начнут роптать и нашептывать всякое.

А со временем какой-нибудь летописец еще и пером черкнет пару строк, прямо или намекая на его импотенцию.

Разве он похож на импотента?

Целый день Ю Цун прошагал из угла в угол по Дворцу Небесной Чистоты, попутно прикончив

две тарелки с фруктами, пока наконец не вспомнил об одной важной вещи.

Кажется, он держал во дворце целую группу даосов.

Несколько лет назад, во время сильнейшей засухи, прежний хозяин тела Чжу Хоуцун метался как на иголках — над столицей свирепствовали песчаные бури, а дождя все не было.

Тогда во дворец пожаловали странствующие чародеи, устроили какое-то шаманское камлание, и в тот же день во второй половине дня хлынул проливной дождь. Император пришел в неопиcуемый восторг и тут же осыпал их чинами.

Это был самый вопиющий поступок императора Цзяцзина, который позднее так горячо обсуждали все историки.

Его привязанность к даосам достигла степени, непостижимой для обычного человека.

В записях династии Мин указано, что нескольким даосам в период правления Цзяцзина были пожалованы титулы и наделы, а кое-кто даже получил должность наставника наследника престола.

Им не нужно было заниматься науками, управлять страной или приносить хоть какую-то реальную пользу — они целыми днями лишь варили странные пилюли, которые, пожалуй, сами боялись пробовать, и преподносили их императору, а в ответ получали от щедрот государя подарки и высокие посты.

Еще более странным было то, что на более поздних этапах истории все фавориты двора эпохи Цзяцзина оказались тесно связаны с составлением хвалебных од — цицы.

Гу Динчэнь, Ся Янь, Янь Сун — каждый из возвысившихся любимчиков был мастером сочинения этих гимнов.

И хотя черновики Янь Суна зачастую писал его собственный сын, даже это красноречиво свидетельствовало о неугасающей страсти императора Цзяцзина к бессмертию.

И все же в определенных ситуациях от даосов была польза.

Хотя Ю Цун не знал, понимал ли Чжу Хоуцун, что именно он глотает, идея о том, как поступить с этими даосами, осенила его мгновенно.

На следующий день с мрачным лицом Лу Бин привел во Дворец Небесной Чистоты группу даосов во главе с Шао Юаньцзе.

<http://bllate.org/book/20063/1984649>